

Лезвие заповедной двери

Михаил Чехов: учителя и ученики

Селенда - 1994. - 16 сент. - с. 10.

Владислав Иванов

В

антропософском Эмерсон-колледже, что расположился среди натуральных английских дубрав и в сотню миль от лондонских соблазнов, прошла Третья международная мастерская Михаила Чехова. Стоит напомнить, что первая состоялась в Берлине два года назад, а вторая — в Подмоскowie в прошлом году.

Расписание было составлено с избыточной плотностью: рабочий день с 9 до 22 часов заполнен мастерскими, лекциями, дискуссиями, иногда спектаклями. Через эту круговерть прошли 180 студентов и около 30 педагогов.

Обучение стоит денег, и немалых, российским участникам недоступных. Московская Школа Михаила Чехова изыскала спонсоров, оплативших проезд восемнадцати молодых актеров. Смотрелись они хорошо: все-таки конкурс прошли.

На отдельно взятой английской территории в течение трех недель русские составляли национальное большинство.

Мастерские предоставили возможность встретиться с непосредственными учениками Михаила Чехова: Дейдрой Харст до Прея, Хергом Хатфилдом, Малой Пауэрс, Фордом Рейни, Дафни Филд, Джоаной Мерлин, Джеком Колвиным. Огорчило известие, что не сможет приехать Энтони Куин.

И уж совсем фантастично было получить урок из уст самого Чехова. Матовый, чуть надтреснутый звук его голоса доносился из магнитофона так чисто и внятно, что, казалось, поверни голову — увидишь учителя.

Нынешний интерес к технике Чехова требует комментариев. Все внятнее стремление утвердить актера как творца, а не как исполнителя: авторство опирается не на своеволие, но на высшую духовную инстанцию. Открытие источников вдохновения за пределами видимой реальности сдвигает и взгляд на последнюю, придавая ей новую ценность.

Если в России Михаила Чехова помнят прежде всего как великого артиста, то в Европе и в США он известен как педагог, чья репутация утверждена славой учеников: Мерилин Монро, Юла Бриннера, Грегори Пека и других. Впрочем, по свидетельству Малы Пауэр, в Голливуде конца 40-х — начала 50-х всякий актер, который что-нибудь из себя представлял, так или иначе проходил через дом Чехова.

Нынешнее поколение последователей, по существу, воспроизводит чеховскую внутреннюю коллизию: отрицание коммерческого искусства и необходимость придать творческий характер своему участию в нем.

Этим летом для мастерской была предложена чеховская тема «игры на пороге». Игра «на пороге как бы двойного бытия» призвана разрешить коллизию физического и духовного, интеллектуального и интуитивного, спонтанного и осознанного. Сама техника «вызывания образа» из высшей духовной реальности не только предполагает в актере умение быть медиатором, но и требует индивидуальной активности. Здесь технология метафизична.

Соединение возвышенного и прикладного подчас выглядело причудливо. Техника Михаила Чехова годилась и на то, чтобы выйти в «тонкий слой», и на то, чтобы «продать себя на телевидение» (тема одной из мастерских).

Прежде мне казались сомнительными попытки извлечь практическое тепло из экзистенциального пламени. Мастерские эти сомнения заметно поколебали. Но взамен выдвинулись проблемы, от которых трудно отмахнуться.

Западный театральный мир знает М. Чехова весьма выборочно. Известны в основном его работы по технике актера. Все, что выходит за рамки прямой пользы, остается вне поля зрения. Даже автобиографии «Путь актера» и «Жизнь и встречи» не переведены на английский язык. Наследие Чехова, да и не только его, оказалось во власти общего прагматизма: полка смыслов все короче, а полка методических пособий — все длиннее. Но отчуждение техники от личности худож-

ника ведет к фундаментальному непониманию. Ведь, в конце концов, речь не об инструкции по использованию стиральной машины.

К счастью или к несчастью, чистая трансляция чеховской педагогики невозможна. Всякий последователь неизбежно привносит свое, предлагая подчас весьма неожиданные сочетания: от ботмеровской гимнастики до элементов восточного единоборства айкидо. Но опасность размывания чеховского метода представляется не столь уж и существенной перед лицом его возможной догматизации. Усердные попытки доказать, что «система» Станиславского несла в себе некоторую предрасположенность к догме, а метод Чехова содержит в себе противоядие, вовсе не убеждают.

Существует немалый соблазн признать чеховскую педагогическую систему лучшей и единственно верной. Здесь мы имеем дело не столько с точкой зрения, которую нужно было бы аргументировать, сколько с внутренней установкой, которая сказывается в комбинировании фактов, в случайных обмолвках и способна превратить «нежный и странный гений» в очередной тотем.

В последние дни бурно обсуждался вопрос о юридическом оформлении Международной ассоциации Михаила Чехова, которая бы координировала усилия по исследованию и, простите за выражение, пропаганде наследия мастера. Необходимость создания такой структуры очевидна, как очевидны и превратности всякого рода институционализаций, вносящих бюрократический элемент и открывающих возможности для обычной борьбы амбиций.

Как-то Форд Рейни вспомнил чеховские слова о том, что «в поисках образа можно открывать все двери, кроме одной, за которой — сумасшествие».

Иногда в нашем международном «хрустальном дворце» пользы возникает острое желание хоть на мгновение приоткрыть запретную дверь. А то ведь и правда можно поверить, что от великого трагического опыта осталось только ноу-хау.